

УДК 16:930
DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-163-171

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА¹

© Николай Владимирович МЕДВЕДЕВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: mnv88@mail.ru

Аннотация. Выявлены основные характеристики принципа историчности, применяемого в современной герменевтике. Раскрыто содержание понятия «историчность» в теории исторического сознания В. Дильтея, разработавшего вариант герменевтики как методологии наук о духе. В. Дильтей осознал неадекватность психологических категорий в качестве основы понимания человека и его жизни и предложил использовать для этого понятие историчность. Герменевтическая философия уделяет особое внимание историческому характеру познания внешней реальности и жизненного мира человека. Человек есть не просто еще один из множества объектов физического мира, а живой субъект, который интерпретирует мир в контексте исторически наследуемых культурных значений и взаимосвязей. Рассмотрен также вклад М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера в понимание принципа историчности как онтологической характеристики человеческого существования. Данный принцип предполагает анализ способа бытия человека как пребывающего во времени, а не подчиненного ему, поскольку опыт сознания и внешний эмпирический опыт обладают временной структурой.

Ключевые слова: историчность; герменевтика; темпоральность; жизненный опыт; понимание; интерпретация; гуманитарные науки; человеческое бытие

В современной практике гуманитарных исследований общепринятым является суждение о том, что человек по своей природе есть существо историческое, что он целиком принадлежит Истории. Это утверждение служит основанием для выдвигания «историчности» в качестве ключевого методологического принципа в познании человека и продуктов его исторической деятельности. Однако само понятие историчности характеризуется многозначностью, что объясняется либо стиранием граней между формальной и содержательной стороной данного понятия, либо акцентированием на одном из аспектов его возможного употребления (онтологическом, гносеологическом), либо исходными предпосылками при построении той или иной научной системы знания. Все это создает трудности для постижения значения «историчности».

Вся совокупность отношений человека с миром, рассматриваемая в потоке времени, в становлении и развитии, охватывается термином «история». Собственно само слово «историчность» приобретает вполне определенное значение при интерпретации и рас-

крытии смысла истории как процесса разнообразных взаимодействий и взаимосвязей человека с миром. Эту систему отношений «человек–мир» принято обозначать выражениями «человеческий мир» или «жизненный мир», что является предметом исследования гуманитарных наук, постигающих смысл истории через призму витального характера человеческого существования. В этом отношении гуманитарные науки, разработкой методологических оснований которых занимается философская герменевтика, вступают в противоречие с естественными науками, поскольку последние руководствуются установкой, что социальный и природный мир подчинен единым, универсальным закономерностям.

В представленной статье раскрывается содержание и роль понятия историчности в герменевтических концепциях В. Дильтея, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера. Без прояснения принципа историчности невозможно понять общую направленность развития современной герменевтической теории, ее подход к пониманию природы и структуры человеческого бытия. Герменевтика как интеллектуальная традиция или философская рефлексия обращена к анализу значения понятия «понимание» (*Verständnis*). Она занимается поисками ответов на вопросы: что включает

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ-ОГОН научного проекта № 16-33-00048, проект «Проблема понимания иных культур: философско-методологический анализ».

в себя процедура понимания? Каковы возможные условия понимания поэмы, юридического закона, человеческого поведения, языка, чужой культуры, самости и т. д.? Однако ответы на поставленные вопросы не вполне очевидны, так как изучение проблемы понимания приводит нас к необходимости рассматривать разнообразные теоретические и социальные контексты [1, с. 89].

Вильгельм Дильтей: историчность как важнейший компонент в структуре герменевтического понимания

С именем немецкого историка и философа Вильгельма Дильтея (1833–1911) связана особая страница в становлении герменевтики как одного из ведущих направлений в современном западном мышлении. В соответствии с духовным состоянием немецкой культуры конца XIX века, где в то время господствовал позитивизм, В. Дильтей направил свою деятельность на исследования фактов в области наук о духе.

Несмотря на то, что герменевтическая проблематика в различных аспектах привлекла к себе внимание ученых XIX века (В. Гумбольдт, А. Бек, Л. Ранке, С. Дройзен и др.), что привело в итоге к формированию исторической, филологической и юридической герменевтики, программа создания универсальной герменевтики как искусства понимания оставалась нереализованной. И лишь в конце XIX века В. Дильтей начинает разрабатывать герменевтику как основание наук о духе (*Geisteswissenschaften*), то есть гуманитарных дисциплин, предметом которых является интерпретация выражений жизненных переживаний человека. Задача наук о духе состоит в том, чтобы «уловить единичное, индивидуальное в исторически-социальной действительности, распознать действующие тут закономерности, установить цели и нормы ее дальнейшего развития» [2]. Герменевтика должна помочь исследователю-интерпретатору заново пережить и понять смысл событий прошлого, которые описаны автором в тексте. Основным намерением В. Дильтея было обоснование методов, обеспечивающих объективную интерпретацию выражений духовной жизни: «То, что мы стремимся познать, есть действительность сама по себе, действительность как живая целокупность. Вот почему нас столь неудержимо влечет к самой общей и послед-

ней проблеме наук о духе: как возможно познание исторически-общественной действительности как целого!» [3, с. 366]. Он был решительным противником обозначившейся в гуманитарных дисциплинах тенденции заимствовать из естествознания методы и приемы для изучения особенностей человеческого мира, поскольку «в историческом мире нет естественнонаучной причинности». Точку опоры любой гуманитарной науки В. Дильтей видел в человеческой индивидуальности, которая является образом самого мира. Конкретный жизненно-исторический опыт должен служить началом и конечным пунктом наук о духе. Новаторство немецкого философа состояло в том, что он «задается... давно назревшим вопросом о научном познании личности» [4].

Философские искания В. Дильтея проницают противоречия, характеризующие интеллектуальную жизнь в Европе XIX столетия. С одной стороны, немецкий ученый был охвачен романтическим стремлением к непосредственности и всеобщности, с другой – он занимается поисками конкретных фактов («выражений жизненного опыта») для обеспечения объективной достоверности результатов познания. В теоретическом мышлении В. Дильтея происходит встреча двух ведущих философских традиций, существовавших раздельно – англо-французского эмпирического реализма (позитивизма) и немецкого идеализма и философии жизни. Таким образом, его стремления были направлены на построение и обоснование эпистемологического фундамента наук о духе.

Для того чтобы понять герменевтику В. Дильтея, необходимо прежде всего прояснить проблемный контекст, в котором он реализовывает свой замысел. С самого начала В. Дильтей задается вопросом, какова природа понимания, служащего основой для изучения человека? Он подходит к решению поставленного вопроса не с метафизической, а с эпистемологической точки зрения, по сути, развивая линию «критического идеализма» И. Канта. В. Дильтей никогда не относил себя к сторонникам неокантианства. В течение длительного времени он работает над набросками к своей книге «Критика исторического разума», в которой собирался прояснить и обосновать эпистемологические принципы гуманитарных исследований [5].

Сформулированную В. Дильтеем проблему методологического основания гуманитарных наук следует рассматривать в контексте его *философии жизни*. Жизнь как предмет гуманитарных наук невозможно понять, считает он, используя внешние категории: ее можно постичь лишь с помощью внутренних категорий, возникающих в самой жизни [5, с. 136]. Жизнь должна пониматься исходя из жизненного духовного опыта человека. Обращение к «жизни» не означает, согласно В. Дильтею, обращения к некому мистическому основанию как глубинному источнику всякой жизни вообще (человеческой или нечеловеческой), или обращения к особой психической энергии. Жизнь рассматривается В. Дильтеем в терминах «значения»; жизнь есть «человеческий опыт», познаваемый в его границах. Категории жизни располагаются, по В. Дильтею, не в трансцендентальной сфере, а в сфере жизненного опыта. Вслед за Г.В.Ф. Гегелем он заявляет, что жизнь есть «историческая реальность», однако история есть не область реализации устремлений абсолютного духа, а воплощение его конечного замысла. История есть проявления жизни, позволяющие нам познать духовное [5, с. 140].

Важнейшей категорией гуманитарных исследований, по В. Дильтею, является «понимание». Понимание как категория жизни рассматривается им в двух аспектах: методологическом и экзистенциальном. Естественные науки объясняют природу, а гуманитарные науки понимают выражения жизни. Понимание позволяет постичь индивидуальную сущность; наука же должна рассматривать индивидуальную сущность как средство для достижения всеобщего, типичного. Гуманитарные науки, согласно В. Дильтею, должны создавать методологию понимания, что позволит им выйти за пределы редукционистского объективизма естествознания и вернуться к полноте «жизни», человеческому жизненному опыту. Следует отметить, что именно В. Дильтей впервые сформулировал проект понимания жизни в терминах самой жизни. Он выступил с жесткой критикой позиции «плоского» сциентизма в гуманитарных науках.

Камнем преткновения для В. Дильтея стала проблема достижения объективности исторического знания. Пытаясь противостоять романтическому произволу и скептиче-

ской субъективности, он обращается к интерсубъективной сфере путем введения в свою систему взаимосвязанных категорий понятия общности: «Общность, существующая между индивидами, объективировалась в чувственном мире в многообразные формы объективного духа: стиль жизни, формы общения, целевые связи, образуемые обществом, обычаи, право, государство, религию, искусство, науки и философию» [5, с. 143]. Посредником в общении и понимании людьми друг друга выступает объективный дух. Гуманитарные науки должны с необходимостью концентрироваться на «выражениях жизни»; исследования, сфокусированные на объективациях жизни, являются внутренне герменевтическими по своей сути. В. Дильтей классифицировал различные проявления жизни (или внутреннего человеческого опыта), разделив их на три основные группы: 1) идеи; 2) поступки; 3) выражения жизненного опыта.

Принципы герменевтики, согласно В. Дильтею, помогают выявить метод общей теории понимания, так как «понимание основано прежде всего на том, что в каждом переживании, характеризуемом как понимание, существует отношение выражения к тому, что в нем выражено» [5, с. 147]. Таким образом, в его концепции герменевтика трактуется в более широком значении: она становится теорией не просто интерпретации текстов, а теорией о том, как жизнь переживается и выражается в художественных произведениях. «Выражение» в данном случае не есть индивидуальное, а выступает как социально-историческая действительность, общность, раскрываемая в переживании.

В. Дильтей постоянно доказывает, что человек есть «историческое существо». Историчность подразумевает у него две вещи: во-первых, человек познает себя не через интроспекцию, а через формы объективации жизни. Каков человек, что кем он является как таковой, на эти вопросы может дать ответы только история о нем. Человеческое самопознание является не прямым, а опосредованным, оно должно осуществляться герменевтическим, окольным путем через фиксированные выражения, относящиеся к следам прошлого. Во-вторых, природа человека не имеет установленной, заданной сущности. Так как человек постоянно испытывает

влияние созданных им выражений жизни, образующих его культурное наследие, то он становится историческим существом, и при том – *творчески историческим*. Постигание прошлого есть не форма рабства, а условие свободы. Свобода самопознания и осознания бытия способна сформировать в человеке желание стать чем-то определенным, чего-то достичь в своей жизни. Человек обладает творческой силой изменить свою собственную жизнь. Выводом В. Дильтея является утверждение, что человек не должен бежать от истории, поскольку он сам открывает себя в истории и через историю.

Такой подход неизбежно приводил В. Дильтея к позиции исторического релятивизма. Он был убежден, что не существует метода, с помощью которого можно преодолеть относительность исторического сознания. «Человек» непрерывно меняется в процессе истории. История, в конечном счете, есть серия сменяющихся взглядов на мир, и мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть их истинность или идейное влияние, поскольку не имеем однозначных, убедительных критериев для оценки превосходства одной точки зрения по отношению к другой.

Таким образом, в герменевтике В. Дильтея понятие историчности играет центральную роль. Он сумел расширить горизонт деятельности герменевтики, поместив в ее контекст интерпретацию гуманитарных исследований. В. Дильтей настойчиво утверждал, что «как сама интерпретация, так и ее объекты полностью обусловлены их местом в истории, или историчностью» [6]. В поздний период своего творчества В. Дильтей осознал неадекватность психологических категорий в качестве основы для понимания человека и жизни, он обнаружил таковую в историчности человеческого бытия. Его герменевтическая философия как методология гуманитарных наук уделяет особое внимание историческому характеру познания внешней реальности и жизненного мира человека. Человек – это не просто один из множества объектов физического мира, а живой субъект, который интерпретирует мир в контексте исторически наследуемых значений и взаимосвязей. Нужно подчеркнуть, что В. Дильтей впервые вывел герменевтику на философский уровень. Пространством герменевтики у него становится культурно-историческая действитель-

ность. И уже не психология, а феноменология выполняет у В. Дильтея методологическую функцию в проекте формирования и обоснования фундамента гуманитарных наук, а заодно помогает обнаружить искомые предпосылки для решения проблемы объективности гуманитарного (исторического) знания.

М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер: историчность как подлинно человеческий способ существования

После В. Дильтея немецкий мыслитель Мартин Хайдеггер (1889–1976), используя средства фундаментальной онтологии, опирающейся на феноменологию Э. Гуссерля, доказал, что способ бытия субъективности является абсолютной историчностью. М. Хайдеггер совершенно по-новому подошел к решению проблемы историчности. По М. Хайдеггеру, изначально историчным является *Dasein* («здесь-бытие»), то есть бытие единичного человека. *Dasein* предстает как временность, сокрытое единство бытия и времени. Проблема времени (шире – историчности) рассматривается им в контексте антропологической философии. Объективное онтическое воззрение, не выходящее за пределы «здорового смысла», дискредитируется им в качестве вульгарного понятия о «всемирной истории» [7, с. 124].

Историчность человеческого бытия не определяется у М. Хайдеггера социальной историей и не зависит от этой истории. Человек оказывается историчным изначально и всегда. По своему содержанию история *Dasein*, то есть судьба отдельного человеческого индивида, неповторима, а по своей формальной структуре эта история одинакова для всех индивидуальных судеб: «Жизнь человека неотвратимо биографична; и как не уникальны людские биографии, они имеют некоторую всеобщую, воспроизводящую смысло-временную структуру, которая и есть история, в ее первичном, исходном, досоциальном значении» [8, с. 361]. Это своеобразная «точка очевидного для всех опыта, невербального, лично используемого» [9, с. 52]. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера помогает человеку «увидеть себя как такой род сущего, который, непрерывно пребывая во времени, не является тем не менее полностью подвластным ему, потому что по своему бытию он сам есть время» [8, с. 359]. Для не-

мецкого философа бытие конкретного человека выступает как первично-историческая реальность. Он определяет человеческое бытие как «свершение», «сбывание», «со-бытие», при этом отказываясь от рационалистического, объективистского подхода к истории, пронизанного духом сциентистского оптимизма. По словам А.В. Гульги, «Бытие и время» содержит парадоксальную мысль о тождественности будущего, настоящего и прошлого: «Эта мысль М. Хайдеггера абсурдна в отношении физического времени, но весьма содержательна в отношении времени культурно-исторического» [10].

В «Бытии и времени» М. Хайдеггер полностью освобождается от проблемы коммуникации «Я» с другой личностью. На его взгляд, основание онтологической проблемы следует искать не в сфере взаимодействия с другой личностью, а в сфере отношений с миром: «Присутствие имеет скорее по своему способу быть тенденцию понимать свое бытие из *того* сущего, к которому оно по сути постоянно и ближайше относится, из «мира» [11, с. 15]. Для немецкого философа другая личность – это своего рода кантовская «вещь-в-себе», она даже более загадочна и непостижима, чем любое явление природы. Поскольку сфера общения людей есть сфера бытия, где доминирует неподлинность (притворство, лицемерие, обман проявляются здесь с особой силой), то онтология понимания, согласно М. Хайдеггеру, начинается не с «бытия-с» другой личностью, а с «бытия-в-мире» [12, с. 236]. *Dasein* существует исторически через повторение открываемых в прошлом возможностей. Подлинная историчность есть сфера возможного, в отличие от неподлинной историчности, которая «сохраняет и оставляет действительное». Истинная историчность соответствует прошлому в свете открывающихся будущих возможностей. То, что имеет в виду М. Хайдеггер, есть действительно человеческий способ существования. Этот способ существования – открытость, открытость к событиям истории, к возможностям, обращенным к нам из прошлого и уходящим в направлении к будущему. Открытость обнаруженной возможности есть открытость истины. Через «аналитику *Dasein*» М. Хайдеггер выявляет проективный характер всякого понимания [13, р. 26]. Объективистская модель истории не способна, по

мнению М. Хайдеггера, привести нас к истинному пониманию исторического бытия без осознания уникальности существования конкретного индивида как воплощения самой истории. «История как реальный процесс, протекавший в объективном времени, имеет свой онтологический источник в реальности, составляющей сущность человека как конечного существа» [14, с. 127]. М. Хайдеггер онтологически обосновал В. Дильтеевский историзм и сделал герменевтику универсальным методом.

Подобного воззрения на природу историчности придерживается ученик М. Хайдеггера Х.-Г. Гадамер (1900–2002). Его герменевтика выводит онтологическую укорененность человека в традиции из конечно-исторического способа бытия. Важным компонентом в герменевтической теории Х.-Г. Гадамера является понятие *действительно-историческое сознание*. «Действительно-историческое сознание, – пишет он, – есть момент в осуществлении самого понимания» [15]. Применение действительно-исторического сознания включает осмысление того, что понимание есть «род действия и познает себя в качестве такового» [15, с. 404]. С помощью понятия действительно-исторического сознания Х.-Г. Гадамер стремился подчеркнуть, что интерпретации событий прошлого будут осуществляться на основе предшествующих интерпретаций. «Действительно-историческое сознание» предстает как знание о том, что человек находится в такой ситуации, которая не поддается полностью объективации и контролю: невозможно выделить все факторы, которые оказывают влияние на понимание человека» [16]. Понимание, другими словами, является рефлексивным; оно включает в себя открытость традиции, позволяющей традиции говорить. Историзму герменевтики XIX века как раз не достает, по мнению Х.-Г. Гадамера, этой самой открытости [17]. Подход классической герменевтики является односторонним, так как позволяет охватить лишь историчность подлежащего истолкованию текста. Однако Ф. Шлейермахер и В. Дильтей упускали из виду тот факт, что историчность понимания распространяется на интерпретатора точно так же, как и на подлежащий пониманию текст. «В действительности, – пишет он, – не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории» [15, с. 333]. По-

этому превосходящийся процесс свершения понимания наиболее точно можно характеризовать как «слияние» двух «жизненных горизонтов» – «горизонта» интерпретатора и «горизонта» текста: «Набросок исторического горизонта является, следовательно, лишь моментом в осуществлении понимания – он не окаменеет в самоотчуждении некоего прошедшего сознания, но настигается настоящим, которое вновь включает его в свой собственный горизонт понимания. При осуществлении понимания происходит действительно слияние горизонтов, которое вместе с набрасыванием исторического горизонта тут же производит и его снятие» [15, с. 363].

Следует отметить, что если М. Хайдеггер направил свои усилия на экзистенциально-феноменологический анализ «истории Бытия», то Х.-Г. Гадамер кладет в основу своей герменевтической теории «историю языка», «языковую историчность», охватывающую всю нашу культуру. «Бытие, которое может быть понято, есть язык», – заявляет он. Язык для Х.-Г. Гадамера – это не просто «некая эмпирическая данность, поддающаяся эмпирическому исследованию, <...> он не может быть объектом, поскольку охватывает собой все, что может сделаться таковым» [15, с. 471]. Язык предстает как всеобъемлющий открытый горизонт, содержащий опыт всего человечества. Благодаря языковой структуре человеческого опыта становится возможным понимание мира как текста. Этому предшествует осознание индивидом конечности своего бытия. Язык, образуя внутренне подвижный горизонт Бытия, дает возможность прошлому заговорить с нами. Таким образом, осознание историчности в качестве неотъемлемой характеристики человеческого существования принципиально отличает историзм герменевтики М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера от историзма предшествующей герменевтики, где внимание было полностью смещено на истолковываемый текст, и при этом предан забвению тот, кто его истолковывает [17].

Понятие историчности является центральным компонентом в герменевтической теории Вильгельма Дильтея. Он – родоначальник современных концепций историчности. Исследователю невозможно понять герменевтические концепции В. Дильтея, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, если из них устранено поня-

тие историчности и связанный с ним термин «темпоральность» (временность) понимания. В герменевтической теории человек рассматривается в свете его зависимости от непрерывной интерпретации прошлого. В таком случае человек может быть определен как «герменевтическое животное», которое понимает и осознает себя в терминах интерпретации культурно-исторического наследия, которое постоянно присутствует в его жизненном опыте и оказывает влияние на действия и решения. В принципе историчности обнаруживается теоретическое кредо современной герменевтики. Под «историчностью» подразумевается онтологическая однородность субъекта (познающего) и объекта (познаваемого), их укорененность в историческую, языковую традицию. Историчность как способ существования человека отрицает универсальные законы исторического развития, а также возможность предопределять, пророчествовать о характере грядущих событий, осуществлять объективную интерпретацию хроники социальной жизни. В концепции историчности берутся во внимание предпосылочные структуры познающего субъекта, его «предмнения», «предзнания». Принцип историчности предполагает анализ способа бытия человека как пребывающего во времени, но не подчиненного ему, поскольку опыт сознания, как и внешний эмпирический опыт, обладает временной структурой. Интерсубъективный мир повседневности предстает перед индивидом в виде смыслового контекста, который он категоризирует, опредмечивает одновременно с усвоением правил употребления повседневного языка. При историческом подходе язык становится местом встречи настоящего с прошлым, превосходящее понимание, открытие будущего. Благодаря языку социальный субъект как исторически действующий индивид познает самого себя, формирует свое уникальное «Я».

Список литературы

1. *Медведев Н.В.* Герменевтическое понятие истины // Философские традиции и современность. 2013. № 1 (3). С. 89-95.
2. *Дильтей В.* Введение в науку о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе. М., 1987.

3. *Дильтей В.* Собрание сочинений: в 6 т. / пер. с нем. В.С. Малахова. М., 2000. Т. 1. Введение в науки о духе.
 4. *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст. М.: Искусство, 1991.
 5. *Дильтей В.* Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135-152.
 6. *Тисельтон Э.* Герменевтика: пер. с англ. Черкассы: Коллоквиум, 2011.
 7. *Медведев Н.В., Лобанова Я.С.* Проблема темпоральности в герменевтике // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 7 (75). С. 123-126.
 8. *Соловьев Э.В.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. 432 с.
 9. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 416 с.
 10. *Гулыга А.В.* К спорам о Хайдеггере // Эпоха. Философский вестник. 1991. М.: Философское общество СССР, 1991. С. 50-61.
 11. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. В.В. Библина. М.: Ad Marginem, 1997.
 12. *Медведев Н.В., Омед Х.А.С.* Хайдеггер о бытии человека как экзистенции // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 4. С. 234-239.
 13. *Dallmayr F.* Hermeneutics and intercultural dialog: linking theory and practice // Ethics and Global Politics. 2009. Vol. 2. № 1. P. 22-39.
 14. *Гайденко П.П.* От исторической герменевтики к «герменевтике бытия»: Критический анализ эволюции М. Хайдеггера // Вопросы философии. 1987. № 10. С. 124-133.
 15. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
 16. *Соболева М.Е.* Философская герменевтика: понятия и позиции. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014.
 17. *Медведев Н.В.* Герменевтика Гадамера и социально-гуманитарное познание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 123-127.
- Поступила в редакцию 14.09.2017 г.
Отрецензирована 05.10.2017 г.
Принята в печать 03.11.2017 г.

Информация об авторе

Медведев Николай Владимирович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: mnv88@mail.ru

Для цитирования

Медведев Н.В. Герменевтическое понимание историчности человека // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. Вып. 1 (171). С. 163-171. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-163-171.

HERMENEUTIC UNDERSTANDING OF HUMAN BEING'S HISTORICITY

Nikolay Vladimirovich MEDVEDEV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: mnv88@mail.ru

Abstract. The main characteristics of the principle of historicity, used in modern hermeneutics are revealed. The content of the concept of “historicity” in the theory of historical consciousness of W. Dilthey, who developed the version of hermeneutics as a methodology of the sciences of the spirit are revealed. W. Dilthey realized the inadequacy of psychological categories as the basis for understanding man and his life, and instead proposed the notion of historicity. Hermeneutic philosophy pays particular attention to the historical character of cognition of external reality and the life of the human being. Man is not just another of the many objects of the physical world, but a living subject that interprets the world in the context of historically inherited cultural meanings and interrelations. The contribution of M. Heidegger and H.-G. Gadamer to understanding the principle of historicity as an ontological characteristic of human existence is also discussed. This principle assumes an analysis of the mode of being of a person as being in time, and not subordinate to him, because both the experience of consciousness and the external empirical experience have a temporal structure.

Keywords: historicity; hermeneutics; temporality; life experience; understanding; interpretation; humanities; human being

References

1. Medvedev N.V. Germenevticheskoe ponyatie istiny [Hermeneutic understanding of the truth]. *Filosofskie traditsii i sovremennost'* [Philosophic Traditions and Modernity], 2013, no. 1 (3), pp. 89-95. (In Russian).
2. Dilthey W. Vvedenie v nauku o dukhe [Introduction to scholarship]. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse* [Foreign Aesthetics and Literature Theory of 19–20th centuries. Tractates, Articles, Essays]. Moscow, 1987. (In Russian).
3. Dilthey W. *Sobranie sochineniy: in 6 t. T. 1. Vvedenie v nauku o dukhe* [Collected Edition: in 6 vols. Vol. 1. Introduction to Scholarship]. Moscow, 2000. (In Russian).
4. Shpet G.G. Germenevtika i ee problemy [Hermeneutics and its problems]. *Kontekst* [Context]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. (In Russian).
5. Dilthey W. Nabroski k kritike istoricheskogo razuma [Outlines to the historical understanding criticism]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1988, no. 4, pp. 135-152. (In Russian).
6. Thiselton A. *Germenevtika* [Hermeneutics]. Cherkasy, Kollokvium Publ., 2011. (In Russian).
7. Medvedev N.V., Lobanova Y.S. Problema temporal'nosti v germenevtike [Problem of temporality in hermeneutics]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*, 2009, no. 7 (75), pp. 123-126. (In Russian).
8. Solov'ev E.V. *Proshloe tolkuet nas: (Ocherki po istorii filosofii i kul'tury)* [The Past Explains Ourselves: (Outlines in History of Philosophy and Culture)]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 432 p. (In Russian).
9. Mamardashvili M. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How Do I Understand Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1992, 416 p. (In Russian).
10. Gulyga A.V. K sporam o Khaydeggere [On the Issue of Heidegger]. *Epokha. Filosofskiy vestnik. 1991* [Epoch. Philosophy Herald. 1991]. Moscow, Philosophical Community of the USSR, 1991, pp. 50-61. (In Russian).
11. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Existence and Time]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. (In Russian).
12. Medvedev N.V., Omed K.A.S. Khaydegger o bytii cheloveka kak ekzistentsii [Heidegger about human reality as existence]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 4, pp. 234-239. (In Russian).
13. Dallmayr F. Hermeneutics and intercultural dialog: linking theory and practice. *Ethics and Global Politics*, 2009, vol. 2, no. 1, pp. 22-39.
14. Gaydenko P.P. Ot istoricheskoy germenevtiki k «germenevtike bytiya»: Kriticheskiy analiz evolyutsii M. Khaydeggera [From historical hermeneutics to “existence hermeneutics”: critical analysis of M. Heidegger evolution]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1987, no. 10, pp. 124-133. (In Russian).
15. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophic Hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988, p. 357. (In Russian).

16. Soboleva M.E. *Filosofskaya hermenevtika: ponyatiya i pozitsii* [Philosophic Hermeneutics: Notions and Positions]. Moscow, Akademicheskii proekt, Gaudeamus, 2014. (In Russian).
17. Medvedev N.V. Germenevtika Gadamera i sotsial'no-gumanitarnoe poznanie [Gadamer hermeneutics and social-humanitarian cognition]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophic, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Theory and Practice Issues], 2017, no. 7 (81), pp. 123-127. (In Russian).

ACKNOWLEDGEMENTS: The publication is prepared within the framework of the scientific project no. 16-33-00048 supported by Humanities and Social Sciences Department of Russian Foundation for Basic Research, project “Problem of other cultures understanding: philosophic-methodological analysis”.

Received 14 September 2017

Reviewed 5 October 2017

Accepted for press 3 November 2017

Information about the author

Medvedev Nikolay Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy and Science Methodology Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: mnv88@mail.ru

For citation

Medvedev N.V. Germenevticheskoe ponimanie istorichnosti cheloveka [Hermeneutic understanding of human being's historicity]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 1 (171), pp. 163-171. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-163-171. (In Russian, Abstr. in Engl.).